

антология
современной
израильской
драматургии

אנתולוגיה למחזאות ישראלית

Коллектив авторов

Антология современной

израильской драматургии

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67058838
Антология современной израильской драматургии: Новое
литературное обозрение; Москва; 2021
ISBN 9785444816660

Аннотация

Израильское театральное искусство славится на весь мир благодаря выдающейся школе современного танца и дарованию ее главной звезды – Охада Наарина. Гораздо менее известен за пределами Израиля его драматический театр, особенно пьесы, которые идут в нем сегодня. Между тем эти пьесы многое расскажут о современных израильтянах: что они думают о себе и своем образе, сложившемся в других странах, что считают правильным и несправедливым в своей недавней истории, чем гордятся и каких тем стараются избегать, о чем горячее всего спорят. Многие из того, что волнует израильских драматургов, актуально и для россиян. Так, герои одной из пьес – пациенты психоневрологического диспансера, подростки, травмированные отсутствием любви и понимания родителей. В другом тексте исследуется проблема насилия, виктимблейминга и равнодушия

к страданиям жертв. Сквозная тема для целого ряда авторов – историческая память о Холокосте, которая остро отзывается в ощущении европейского антисемитизма, переживаемом израильянами сегодня. Написанные драматургами разных поколений, принадлежащие к разным направлениям и жанрам – от коммерческих комедий до экспериментальных драм, собранные в этой антологии пьесы будут интересно не только читать, но и смотреть на российской театральной сцене.

Содержание

Дина Годер	7
Ханох Левин	17
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Антология современной израильской драматургии

Совместный проект издательского дома НЛО и Посольства Государства Израиль в РФ.

Издание приурочено к 30-летию возобновления дипломатических отношений между Израилем и Россией

© The Hanoch Levin Institute of Israeli Drama

© Авторы, 2021

© Переводчики, 2021

© С. Тихонов, дизайн обложки, 2021

© Д. Годер, предисловие, 2021

© ООО «Новое литературное обозрение», 2021

* * *

Дина Годер

Предисловие к антологии израильской драматургии

Израиль – не самая театральная страна. Если говорить о современном танце, то да, тут мощное влияние американской и европейской новой хореографии, соединившись с традициями народных танцев Ближнего Востока, да и всех стран рассеяния, откуда в страну в XX веке явились евреи, дало удивительное явление израильского контемпорари данс, осененное гением Охада Наарина. В драматическом театре все иначе: театров мало, выживают они трудно, государство их поддерживает скудно, поэтому почти нет экспериментальной сцены, а репертуарная сцена главным образом рассчитана на коммерческие постановки, приучив к ним не самого требовательного зрителя. Успешные театры, вроде тель-авивского Камерного, имеют много сцен и играют одновременно на всех, работая почти как заводы. Израильские искушенные театралы ругают театр своей страны: репатрианты из России, Польши, Франции вспоминают старые впечатления, а те, кто родился здесь, говорят, что за настоящим театром они едут в Берлин. Но израильская драматургия существует. И она важна для своей страны тем, что продолжает рассуждать на острые и насущные темы об истории, религии,

политике и социальных проблемах, о которых спорят израильтяне, а зарубежным читателям и зрителям многое объясняет в пристрастиях, обидах, гордости и комплексах израильтян, их особенном патриотизме и специфике исторической памяти, делая явным то, что на самом деле волнует горячую интеллигенцию страны.

Собирая пьесы для этой антологии, я хотела показать достаточно широкий спектр драматургии, которую сегодня ставят в Израиле: тексты драматургов разных поколений, разных направлений и жанров, традиционные и экспериментальные, коммерческие комедии и драмы, рассчитанные на понимающего зрителя, те, что уже считаются классикой, и те, что написаны всего пару лет назад, с остро актуальным сюжетом и с рассказом об исторических событиях, хоть и не очень давних. Главным для меня было одно: я хотела показать израильскую драматурию как современную, которую и сегодня было бы интересно читать, ставить и смотреть на российской сцене.

Одно из самых известных имен израильской драматургии в своей стране и за рубежом, включая Россию, – Ханох Левин. Его слава и скандалы, связанные с его пьесами, которые воспринимались в Израиле как политические и провокативные, при жизни Левина (а он рано умер от рака, в 1999 году) до России не докатились. Его пьесы на российской сцене неоднократно ставили уже после смерти драматурга, но их социальный заряд здесь не считывался. Они воспринима-

лись как парадоксальные и абсурдистские, а герои, увиденные безжалостными глазами сатирика, по русской традиции, превращались в печальных и несчастливых евреев, возможно, смешных, но скорее достойных жалости, чем издевки. Одна из самых значимых пьес Левина для отечественных театралов – «Крум», но не потому что в России ее много ставили, а благодаря знаменитой польской постановке Кшиштофа Варликовского, в 2006 году привезенной на гастроли в Россию и со временем обросшей легендами.

«Крум», написанный в 1975-м и сразу же поставленный самим драматургом в городском театре Хайфы, не раз ставился в Европе уже в двухтысячных, что укрепило Левина на позиции классика – европейское и американское признание всегда много значило для израильской культуры, не лишенной провинциальных комплексов. Но для российского театра, как мне кажется, эта пьеса про человека, обещавшего много и не исполнившего ничего, влюблявшего в себя других, но не любившего, мечтавшего написать великую книгу, но даже не приступившего к ней, – встраивается в свой драматургический ряд начиная с чеховского «Платонова» до вампиловской «Утиной охоты» и более поздних героев – амбициозных, но не состоявшихся. Для этой пьесы особенно существенно ощущение затягивающей и удушающей провинциальной жизни, из которой не выбраться, – это частый мотив для Левина, также отзывающийся в русской драматургии.

Еще один классик израильской драматургии из нашей антологии – Нисим Алони, он был старше Левина, менее плодovit и тоже предпочитал сам ставить свои пьесы. Алони, как и Левин, умер в самом конце XX века, но его пьесы продолжают ставить – это поэтический и абсурдистский театр, часто далеко уходящий от местных реалий в выдуманный мир, что для израильских пьес нетипично. Впрочем, пьеса 1967 года «Невеста и ловец бабочек», где невзрачный человек с сачком встречает в парке сбежавшую со свадьбы невесту, как будто полна отсылок к обыденной жизни (как пишут, бедный и живописный южный Тель-Авив, где родился Алони, всегда был для него источником вдохновения), но кажется, что именно от реальности его герои и мечтают сбежать. Не даром в самой пьесе говорится, что она навеяна картинами еврейского сюрреалиста Йоселя Бергнера.

Из драматургов старшего поколения в антологии есть пьеса недавно ушедшего из жизни Йосефа Бар-Йосефа, пожалуй, больше всех ставившегося в России, у него даже двадцать лет назад в издательстве «Текст» выходил сборник «„Трудные люди“ и другие пьесы». Бар-Йосеф, автор романов и больших драм, построенных на семейных конфликтах и сложных характерах, как мне кажется, особенно любим в России за то, что в его текстах речь всегда идет о людях и их взаимоотношениях, в них всегда есть яркие характеры и хорошие роли для артистов, что для театра немаловажно. Среди героев пьесы 1982 года «Кнопка», которая публикует-

ся в этом сборнике, кроме пары давно разошедшихся супругов, между которыми теперь возобновляются напряженные и противоречивые отношения, есть пациент психиатрической клиники подросток Рафи, который никак не может взять в толк, что здесь происходит, но пытается отвоевать свое место при докторе. В израильской драматургии образ человека с ментальными и психическими особенностями встречается очень часто, давая возможность как бы через него с другой стороны взглянуть на происходящее, это перекликается с традицией юродивых в русской литературе.

В пьесе еще одного патриарха израильской драматургии, Иегошуа Соболя, «Деревушка», написанной в 1995-м, главный герой, от имени которого ведется рассказ, – дурачок Йоси, работающий могильщиком на деревенском кладбище и разговаривающий с животными. Соболев знаменит политическими и социальными драмами, один из самых известных его текстов – большая многофигурная пьеса «Гетто», действие которой происходит в Вильнюсском гетто в 1941–1943 годах. Но для этой антологии выбрали пьесу более камерную, хотя ее события тоже происходят во время войны, только в Палестине, которая не так далека от боев Второй мировой на севере Африки. В пьесе беспрестанно говорят о войне и слышны отзвуки Холокоста, но оттого, что все это увидено глазами простодушного Йоси, трагические события как будто уходят на задний план, а жизнь наполняется надеждой на лучшее. И кажется, что смысл этой надежды в

скором создании на месте патриархальных палестинских деревень независимого Израиля, которое должно спасти гибнущий в Европе еврейский мир.

Эдна Мазия, одна из самых признанных и успешных сегодня израильских драматургов, в этой антологии представлена острой пьесой «Игры на заднем дворе», идущей широко во всей Европе и по подходу к проблеме очень актуальной сегодня в России, несмотря на то что написана в 1993 году. Речь в ней идет о подростковом насилии, в центре сюжета – документальная история о групповом изнасиловании пятнадцатилетней девочки. Но существенно еще и то, что параллельно с рассказом, как это произошло, мы видим ход судебного разбирательства, полного подтасовок и выглядящего столь же опасным и манипулятивным, как разговоры подростков на заднем дворе с испуганной девчонкой, которая хотела выглядеть крутой. В пьесе этой, написанной умно и жестко, есть сильный феминистский заряд, и, как пишут, еще во времена первой израильской постановки почти тридцать лет назад ее считали серьезным аргументом против объективации женщин.

Анат Гов, журналистка, драматург и сценаристка, уже, к сожалению, покойная, тоже работавшая с феминистскими темами (она была среди основателей организации, поддерживающей жертв сексуального насилия), участвует в этом сборнике с написанной в 2008 году пьесой на двоих «Боже мой!», которую, наверное, можно назвать коммерческой ин-

теллектуальной комедией (или драмой). Исходная ситуация выглядит парадоксально: к психологу Элле, имеющей частную практику, на прием приходит Бог, нуждающийся в утешении и оправдании, и все действие – это их разговор, споры и рассуждения на религиозные темы с позиции атеиста. Для Израиля, где религия не отделена от государства и связанные с ней вопросы стоят очень остро, особенно в интеллигентской среде, это весьма неожиданный поворот.

Еще три писателя, чьи пьесы входят в сборник, принадлежат к следующему, более молодому театральному поколению. Гур Корен, актер, режиссер и успешный автор, работающий сегодня драматургом в Камерном театре Тель-Авива, имеет явный талант видеть смешное, а еще отличное практическое знание театра, что помогает ему писать очень выигранные и привлекательные для актеров роли. В пьесе «Пять кило сахара», написанной в 2009 году и впервые поставленной Евгением Арье в театре «Гешер», автор отдал главному герою свое имя и даже сам его сыграл. Фантастическая история, где к говорливому раздолбаю-герою постоянно является покойный дедушка, на короткое время заселяясь в тела случайных встречных, и сама по себе забавна. Но, конечно, настоящая радость и вызов для актеров, играть персонажей любого пола, возраста и рода занятий, которые вот сейчас были кем угодно – подростком, проституткой или любым прохожим на улице – и в одну секунду, не меняясь внешне, превратились в ироничного, витального и настырного деда,

пересыпающего речь идишскими словечками. Корен крепко держится за реальность: как тельавивец он наполняет рассказ именами улиц и знаковых мест города, как выпускник театральной школы – цитатами, названиями пьес и именами драматургов, так что его комедия, если ее снабдить комментариями, может неплохо ввести в курс израильской жизни.

Майя Арад Ясур имеет репутацию новатора в израильской драматургии и вместе с тем постоянно работает с острыми социальными проблемами. Ее пьеса «Амстердам», написанная в 2018 году, строится как спор перебивающих друг друга голосов, которые не то припоминают, что происходило с героиней – беременной скрипачкой, израильтянкой, живущей в Амстердаме, – не то на ходу сочиняют ее историю. А может быть, это голоса, звучащие внутри нее – женщины на грани нервного срыва, постоянно ощущающей панику, разрываемой комплексами мигранта и не проходящего еврейского страха перед антисемитизмом. Майя Арад Ясур несколько лет училась и работала в Голландии, в ее пьесе чувствуется знание страны и ее реалий, но куда важнее именно это чувство еврейки, которая везде чужая, которой в спину дышит ужас Холокоста, воспоминаниями о котором полна даже съемная квартира, а в лицо – BDS (антиизраильское движение «бойкот, изоляция и санкции»), требующее признания вины всякого, кто родился в Израиле, за его сегодняшнюю антиарабскую политику. Весь этот сложный комплекс чувств очень понятен израильтянину, особенно лево-

му интеллигенту, кем обычно являются люди искусства, — человеку, в своей стране оказывающемуся в оппозиции к действиям власти, а за пределами страны вынужденного отвечать за эти действия перед негодующими европейскими леваками. В России эта двойственность выглядит особенно узнаваемо, но и на европейские театры горячая скороговорка пьесы Майи Арад Ясур произвела впечатление: она переведена на десяток языков и перед карантином ее приняли к постановке на многих европейских сценах.

Рои Хен, писатель, переводчик с нескольких языков (включая русский) и глава драматургической части в театре «Гешер», дал для этого сборника пьесу 2019 года «Так же как я», рассказывающую о подростковом отделении психиатрической клиники, куда приходит новая преподавательница театрального кружка. Эта пьеса, на мой взгляд, звучит для отечественной сцены актуально, хотя наши психоневрологические диспансеры, больше похожие на тюрьмы, очень далеки от израильских. Но подростки из пьесы Хена, страдающие самыми разными расстройствами, более всего травмированы отсутствием любви и понимания родителей, не желающих принять «не таких» детей, стыдящихся их перед родней и желающих их «исправить» или спрятать подальше. Это, видимо, общая проблема, и, как рассказывает Рои, после того как пьесу стали играть в «Гешере», какие-то из его идей о работе с подростками, придуманных для пьесы, вошли в практику молодежных отделений израильских психиатриче-

ских больниц. После представления публика остается, чтобы откровенно поговорить на волнующие ее темы, это становится частью события и уже очень похоже на то, как проходят спектакли на острые темы в российском новом театре.

Сегодняшняя российская драматургия развивается иначе: она движется в первую очередь людьми совсем молодыми, у нас много драматургических конкурсов и объединений, каждый год открываются новые имена, но все это в первую очередь обращено к новому, экспериментальному театру с юной публикой. Израильская современная драматургия работает прежде всего с традиционными театрами с большими залами и солидными зрителями. У нас такой театр тоже есть, и он всегда заинтересован в современной драматургии, не радикальной, но говорящей о сегодняшнем дне. В этом сборнике, впервые представляющем такой разнообразный набор современных израильских пьес, есть из чего выбирать.

Ханох Левин

Крум

Пьеса с двумя похоронами и двумя свадьбами

По вопросам постановки обращаться:

Марк Сорский

ул. Арье Кремер 2, кв. 8, 72279 Рамле, Израиль

тел. 0523-490-407 (Звонок в Израиле)

lyjnik2@yandex.ru

Skype – marksorsky

Действующие лица

Крум

Мать, мать Крума

Шкіга

Тугáти

Дольче

Фелиция, жена Дольче

Тахтіх

Терúда

Дúпа

Цвици

Бертольдо

Д-р Швойген

**Санитар, парикмахер, медсестра, жених, невеста,
фотограф, могильщик**

ПЕРВЫЙ АКТ

Первая картина

Аэропорт. Вечер. Мать, Шкита.

Мать: Сообщили, что самолет уже приземлился... Скоро я увижу сына... Вот он идет!

Входит Крум с чемоданом в руках. Обнимает мать.

Крум: Мама, за границей мне ничего не удалось. Ни денег не заработал, ни счастья не нашел. Не развлекся, не продвинулся, не женился, не обручился и ни с кем не познакомился. Ничего не купил, ничего не привез. В чемодане только мои старые вещи, мыло, бритва, зубная щетка. Точка!.. Я все рассказал, а теперь оставь меня, пожалуйста, в покое!

Мать (*взглянув на чемодан*): Понимаю. Ты приготовил мне сюрприз.

Крум: Нет.

Мать: Ну-ну!.. Сюрприз для мамы.

Крум: Нет! Нет!

Мать: Чего ты развопился?! Кому-то от тебя чего-то нужно?! Ты что, вернулся домой, чтобы гавкаться?! (*Плачет.*)

Крум: Ну, началось... Твое счастье, что я не хочу орать в аэропорту. Привет, Шкита. (*Указывает на плачущую мать.*) От радости. А почему Тугати не пришел?

Шкита: Ему нездоровится. Он тебя ждет у себя дома.

Крум: Пошли.

Выходят.

Вторая картина

Балкон квартиры Тугати. Рядом – балкон Дольче и Фелиции. Вечер. Тугати сидит на балконе.

Тугати: Господин Дольче! Господин Дольче! (*Дольче выходит на балкон.*) Извините за беспокойство, тут в газете написано, что плач освобождает диафрагму и поэтому каждый здоровый человек должен время от времени плакать.

Дольче: Вы что же хотите, чтобы я поплакал вместе с вами? Мы с женой как раз сейчас уходим на свадьбу.

Тугати: Я хотел вас попросить, чтобы вы поставили какую-нибудь грустную пластинку. От грустной музыки у меня немедленно слезы наворачиваются на глаза.

Дольче: Вам придется плакать очень быстро. Мы вот-вот

ВЫХОДИМ.

Тугати: Может, оставите мне ваш проигрыватель ненадолго? Я не сломаю.

Входит Фелиция.

Фелиция: Вы же знаете, что мы не выносим из дома проигрыватель ни по какой причине, кроме переезда.

Дольче: Но из нашей квартиры можете слушать. Окна как раз открыты.

Фелиция: Ой, поставь ему уже чего-нибудь. Время идет!

Тугати: Если можно, то, пожалуйста, вокал. Когда голосит певец, мне легче разрыдаться.

Фелиция: Поставь ему итальянца.

Дольче выходит.

Тугати: Спасибо. Я чувствую, что если мне удастся освободить диафрагму...

Фелиция: Слышали уже.

Возвращается в дом. Слышится грустная музыка и пение итальянского вокалиста. Тугати пытается заплакать. Музыка прекращается. На улицу выходят из дома нарядные Дольче и Фелиция и оглядываются на Тугати.

Тугати: Не получилось. Я не успел.

Дольче: Прошу прощения, но мы не можем опоздать к столу.

Фелиция: Он будет радоваться под нашу музыку, плакать

под нашу музыку, а я буду плясать под его дудку?! Только бы урвать! Нет проигрывателя – пусть привыкает рыдать в тишине!

Уходят. Тугати пытается сам себе напеть только что услышанную мелодию, но ему это не удается, и он замолкает.

Третья картина

Тугати дома. Вечер. Входит Крум.

Крум: Привет, Тугати. Я вернулся.

Тугати: Ну, что повидал?

Крум: Ничего. Больше спал. «Вот за границей – это жизнь!...» – только чего-то я ее там не нашел. Очевидно, мне больше нравится думать о поездке, чем ездить. Ты же меня знаешь: хотеть-то я много чего хочу, но только так, чтобы ничего не делать. Все жду, что роман века напишется сам собою и что однажды на улице, как ты сам понимаешь, – совершенно случайно – встречу с богатой красавицей, которой нужен буду я... Только я...

Тугати: Понятно, что не я. Я тебе не конкурент. Я болею.

Крум: А еще я жду, что однажды, каким-то чудесным образом, обнаружу себя вдали от этого квартала, за городом, далеко от смога и автобусов, в белой уютной вилле, окруженной садом, рядом с соблазнительной красавицей женой

и парой ребятишек.

Тугати: Одного назови моим именем.

Крум: Но ты должен признать, что кое в чем мне до сегодняшнего дня все-таки повезло, несмотря на мою лень: я не женился. Потому что жениться и завести детей в этом поганом квартале, да еще с моей зарплатешкой мелкого служащего – означало бы зачеркнуть навеки собственную мечту. Взгляни, на кого здесь все похожи! Позор! Но, нет! Только не я. Засяду-ка я на годик-другой за роман об этом вонючем квартале, сделаю на нем кучу денег и распрощаюсь со всеми вами. Счастливо оставаться, дорогие господа, я заработал денег на вашей долготрудной и многострадальной жизни и – ухожу. Чтоб вы все сдохли. *(Пауза.)* Вот только мать мне жалко. Стареет. До внуков хочет дотянуть.

Тугати: Крум...

Крум: А что тут без меня происходило?

Тугати: Ничего. Слышал уже, наверно, что Теруда встречается тут с одним. Зовут Тахтих. Университет закончил. Или заканчивает.

Крум: Я только свистну – и Теруда моя. Просто сейчас мне не до нее.

Тугати: Крум, я хочу спросить тебя кое о чем.

Крум: Этот вопрос я больше слышать не хочу.

Тугати: В последний раз, Крум!..

Крум: Ни за что.

Тугати: Будь человеком, Крум. Ты же видишь – я болен.

Коротенький вопрос, малюсенький ответ. Скажи мне только да или нет.

Крум: О господи!.. Зачем я вернулся!..

Тугати: Когда мне лучше делать зарядку, утром или вечером?

Крум: Утром.

Тугати: погоди!.. Дай мне сначала рассказать тебе про все за и против!

Крум: Я наизусть уже знаю все твои за и против!..

Тугати: Я расскажу тебе все это в последний раз, а ты дашь мне окончательный и бесповоротный ответ. Ни для кого не секрет, что все мои беды со здоровьем только из-за того, что я до сих пор сомневаюсь: когда мне лучше делать зарядку, утром или вечером.

Если делать утром, до работы, то есть опасение, что зарядка меня утомит и я на работе буду уставшим, а если делать ночью, перед сном, то есть боязнь, что зарядка меня взбодрит и я не смогу заснуть. О том, чтобы делать зарядку в середине дня, – вообще не может быть и речи. Я человек бескомпромиссный, у меня – либо утром, либо вечером. Кроме этого, возникают и сопутствующие проблемы, например: когда принимать душ? Если я решу делать зарядку по утрам и после этого принимать душ, то что же мне делать после рабочего дня: снова лезть в ванну?.. Это нереально, особенно зимой. Если же делать зарядку и купаться ночью, перед сном, то тогда нет ни малейшего смысла мыться утром. Те-

перь возникает новый вопрос: говорят, что утренний душ помогает проснуться, следовательно, зарядка предпочтительнее утром... Пятнадцать лет я ломаю над этим голову, и каждый раз, когда я принимаю какое-либо решение, я тут же натыкаюсь в газете на статью, которая убедительно доказывает обратное. Почему бы не собрать международный медицинский конгресс по этой проблеме и не принять кардинальное и твердое решение, раз и навсегда?! Господа врачи, вы нас убиваете!.. Да!..

Теперь ответ мне коротко и ясно, но с условием, что ты принял во внимание все мои доводы.

Крум: Утром.

Тугати: А если я устану?

Крум: До свидания.

Тугати: Ответь, ответь мне!.. Ты же видишь, как я страдаю, я же не для удовольствия тебя спрашиваю!.. Эти вопросы жгут мне душу!.. Ну!.. Отвечай!.. Утром или вечером?..

Крум: Тугати, ты свихнувшийся ипохондрик, и у меня нет больше на тебя сил. Вот такой мой окончательный ответ.

Тугати: Стало быть, ты ответил «утром» только для того, чтобы отвязаться от меня? Как же мне принимать твои ответы всерьез?.. На что ты опирался, говоря «утром»?.. А?.. Ты что – доктор?!

Крум: Спокойной ночи. (*Выходит.*)

Тугати (*самому себе*): Вот потому-то я и болен, что мне сомнения сгрызли все здоровье. О какой зарядке теперь мо-

жет идти речь?.. Я даже плакать – и то уже не могу.

Четвертая картина

Вечер. Уличное кафе. За столиком сидят Теруда и Тахтих. За соседним столиком – Шкита. Входит Крум.

Крум: Привет, Теруда. Я вернулся.

Теруда: Я вижу.

Крум: Хотел тебе написать...

Теруда: Вы знакомы? Это Тахтих, а это Крум.

Крум: Можно к вам присоединиться?

Теруда: Мы как раз собирались уходить.

Крум: Еще и десяти нет.

Теруда: Я устала. *(Теруда и Тахтих встают.)* Спокойной ночи. *(Поворачивается, чтобы выйти.)*

Крум: Я приду к тебе попозже.

Теруда и Тахтих останавливаются.

Тахтих: Пусть он тебя проводит.

Теруда: Зачем?

Тахтих: Затем. Пусть он проводит.

Крум: Почему бы и нет? Проводить? *(Обращаясь к Тахтиху.)* Приятно было познакомиться.

Тахтих: Не сомневаюсь, что приятно. *(Подсаживается к Шките.)*

Крум направляется к Теруде, она слегка

отстраняется.

Теруда: Ты меня не любишь, и я пытаюсь тебя забыть. Зачем ты приходишь снова и снова?!. (*Пауза.*) Ты все-таки меня немножко любишь?

Крум: Нет.

Теруда: Зачем ты меня мучишь?!.

Крум: Что поделать, я тоже из-за этого страдаю. (*Утыкается лицом ей в грудь.*)

Теруда: Что я делаю... Что я делаю... Опять... Все это закончится очень грустно.

Крум тянет ее за руку. Выходят.

Тахтих (*Шките*): Я и он... Ничего особенного, просто знакомый. Какое мне дело? Они когда-то были вместе, да? (*Пауза.*) Да? (*Пауза.*) Жизнь – дрянь. Особенно для человека, не верящего в то, что он заслуживает. Ты когда-нибудь ощущал собственную жизнь не внутри себя, а как бы снаружи, где-то на спине, как горб? (*Пауза.*)

Ощущал? (*Пауза.*) Ты со своим молчанием, очевидно, чувствуешь себя очень мудрым. Китайским философом. Мечтаешь о репутации знаменитого молчуна? Ничего не выйдет, тебя опередили. В этом квартале успели уже помереть и болтуны и молчуны. (*Пауза.*)

Я и сам иногда часами молчу, но не выпендриваюсь. (*Поднимается.*) Пойдем погуляем.

Шкита: Я посижу.

Тахтих: Я тоже. (*Садится.*)

Пятая картина

Дом Теруды. Ночь. Крум и Теруда одеваются.

Теруда: Тахтих в меня влюблен по уши и не дает мне покоя, чтобы я вышла за него замуж. (*Крум пытается ласкать ее грудь.*) Нет, мне надоело. Перестань забавляться моей грудью и не смей разрушать мою жизнь. Я хочу, чтобы ты, наконец, принял решение.

Крум: Я не могу жениться. Не сейчас. Это спутает мне все планы. Я собираюсь начать писать, регулярно и ежедневно. А посему мне крайне необходимы на некоторое время тишина, покой и независимость. В финансовом плане – тоже. Вот потом...

Теруда: Не будет никакого «потом». Я выйду замуж за Тахтиха, переедем с ним в новый район, родим ребенка. А когда я тебя встречу, шагающим под ручку со своей мамашей, ничуть не изменившегося, все в тех же штанах и с теми же прожектами, то просто рассмеюсь тебе в морду.

Крум: Ты рассмеешься мне в морду, и эта сцена войдет в мой новый роман.

Теруда: Роман!.. Не понимаю, чем мне так нравится все это дерьмо!

Крум обнимает ее.

Крум: Теруда.

Теруда: Ты же сам не веришь ни единому собственному слову. И даже не пытаешься меня убедить. Ты знаешь, что я твоя. Просто приходишь и берешь.

Крум: Теруда.

Теруда: Ты холодный. Господи, какой же ты бесчувственный!.. Но когда тебя окатывают помоями, ты приходишь ко мне отмываться.

Крум: Я подлец и мерзавец, я знаю. Но я стараюсь, правда, ты же видишь. К кому я прихожу, когда мне плохо, если не к тебе? В чью постель я забираюсь, когда нет другой, если не в твою? И кого я все время безуспешно пытаюсь полюбить, если не тебя? Я и вправду – подлец и мерзавец. Дай мне по роже!

Теруда со всего плеча отвечает ему звонкую пощечину.

Потаскуха. Больше ты меня здесь не увидишь. Минуту назад я хотел предложить тебе пожениться, но теперь все кончено. (*Выходит.*)

Шестая картина

Улица у дома Теруды. Ночь. Тахтих. Из дома выходит Крум, видит Тахтиха, останавливается.

Тахтих: Да, Тахтих. Стоит и ждет внизу, пока ты там раз-

влекаешься с Терудой. Видел, видел. Сначала в окнах был свет, потом выключили на часок, потом снова зажгли.

Крум: Чего ты хочешь?

Тахтих: Познакомиться с человеком, завладевшим Терудой.

Крум: За эту ночь моя совесть немного подустала и спит, и тебе вряд ли удастся ее разбудить.

Тахтих: И пусть себе спит. Не волнуйся, я не собираюсь отвоевывать у тебя Теруду. Не спеши и развлекайся в свое удовольствие. У меня есть терпение.

Крум: Скажи мне, для чего ты хочешь так выглядеть? Ты же закончил университет.

Тахтих: Ничего я не закончил. Я просто техник. Всего лишь техник, хоть и неплохо зарабатываю.

Крум: Рядом с тобой я чувствую себя великаном. Ладно, иди уже, топай.

Тахтих: Конечно, пойду, раз это ты мне говоришь. Ты повелитель – ты к Теруде вхож. И знай еще, что если даже ты и не великан, а карлик, то все равно – я еще мельче.

Расходятся.

Седьмая картина

Улица перед домом Тугати. Ночь. Тугати сидит на своем балконе. На улице появляются Дольче и Фелиция,

объевшиеся и обпившиеся на свадьбе.

Тугати: Здравствуйте, госпожа Фелиция и господин Дольче. Ну как свадьба?

Фелиция: Вот уж свадьба – так свадьба...

Тугати: Маленько перекусили, а? Что было?

Фелиция: Прошу прощения, но сейчас мы заняты усваиванием пищи... Идем, Дольче...

Тугати: Крум вернулся.

Фелиция (*останавливаясь*): Привез тебе чего-нибудь? Само собой – ничего. Завтра утром у меня визит к его мамаше.

Тугати: Куры были?

Фелиция (*презрительно усмехаясь*): Куры?.. Куры – это мухи по сравнению с тем, что там было...

Тугати: Что вы говорите!..

Фелиция: Наконец-то свадьба, как и положено быть свадьбе... Свадьба строительного подрядчика... Но только на разговоры нет сил... Пойдем переваривать, Дольче.

Дольче: Я хочу немножко подышать воздухом...

Фелиция: Он не хочет видеть, как я раздеваюсь... (*Уходит.*)

Дольче (*тяжело дыша*): Ой, как же я обожрался...

Тугати: А что еще там было?

Дольче: Не спрашивай...

Тугати: Я даже не смею вам завидовать.

Дольче: Ой, как же я обожрался... Я сдохну...

Тугати: Конечно же, и оркестр был, и танцы...

Фелиция: О танцах никто не мог даже подумать... Кто был в состоянии шевельнуться?.. От стола – в сортир, из сортира – к столу... Ой, как же я обожрался, как же я обожрался... Я больше не могу... Еще один крошечный кусочек, и я бы сдох. Пойду-ка покончу с собой ломтиком торта... (*Уходит.*)

Тугати (*самому себе*): Я не поверю, что не было танцев. Мужчины и женщины танцевали парами, тело к телу. И под музыку тихонько договаривались пожениться.

Восьмая картина

Дом Теруды. Вечер. Теруда и Дупа перед зеркалом.

Дупа: Какая же я страхолюдина... Когда чей-то взгляд скользит по мне, то это приятно, а когда на меня пялятся, то я в полной мере чувствую свое уродство. Как добиться, чтобы взгляд был мимолетным, а не пронзающим?

Теруда: Моя проблема – это большая задница.

Дупа: Ты можешь себе позволить это говорить потому, что ты привлекательнее меня. У тебя есть Крум, а до него был Тахтих, а до Тахтиха – опять Крум.

Теруда: Тоже мне, находка. Крум как приходит, так и уходит.

Дупа: А ко мне и не приходят. Я и озорница, и веселая,

и щебечу, как птичка, а никого у меня нет. Оттого что я все это сохраняю в себе, я вот-вот взорвусь. Я столько могу подарить мужчине – любовь, преданность, заставить его весело смеяться, а у меня никого нет. Остаюсь веселой для себя.

Теруда: Аж сморщилась вся.

Дупа: Это от нервов. Остаюсь веселой.

Теруда: У Крума есть приятель, зовут Тугати. Он тебя не интересуется?

Дупа: Тугати? Ну и имечко. Тугати... *(Смеется.)* А он серьезный?

Теруда: Кто?

Дупа: Тугати! Я имею в виду – о чем он думает: о свадьбе или обо всяких глупостях?

Теруда: Только о свадьбе. Ему не до развлечений.

Дупа: Ой, как же я хочу себе такого! Чтоб сидел со мною дома, в пижаме, чтоб весь целиком был мой, а я буду за ним ухаживать и щекотать его... Я всю жизнь мечтаю о красивом и веселом!.. Умный, неумный – это мне не важно. Главное – чтобы веселый был. А еще – чтоб с гладкой кожей. И обеспеченный. Не Бог вещь что, но обеспеченный. А до его мозгов мне никакого дела нет. Правда, правда! А еще я мечтаю, чтобы...

Теруда: А чего мечтать-то? Меня спроси – я его знаю.

Дупа: Ой, Терудочка, расскажи, расскажи – какой он? Теруда, пожалуйста, ну я прошу!..

Теруда: Из всего, о чем ты мечтаешь, стопроцентно те-

бе гарантирована только его пижама... Скажи, я в бедрах не похудела?.. Короче, он просто урод. Страхолюдина. Настолько безобразный, что это просто перестает иметь какое-либо значение. Если найдешь в нем хоть что-то привлекательное – ты будешь первой, кому это удалось. Найдешь веселость – снова будешь первой. Частенько он болеет, а в остальное время ему кажется, что болеет. Мечтала о пижаме? Это ты точно получишь. Что еще? Деньги. Если обнаружишь у него деньги – ты снова будешь первой. Кроме всего, он пустоголовый чурбан, олух, бестолочь и болван, но ты говорила, что как раз этот пункт значения для тебя не имеет. Большие ягодичцы – вот в чем моя беда.

Дупа: Но почему?

Теруда: Почему, почему... Ты посмотри на эту задницу, я тоже хочу знать почему!..

Дупа (*вдруг расплакавшись*): Почему?!. Почему?!.

Теруда: Ну что за вопрос, Дупочка! Какие уж мужики нам достались – тех и придется брать... А где хваленая веселость нашей Дупы?!. А?..

Дупа (*улыбается сквозь слезы*): Уж я-то найду у него чего-нибудь стоящее, вот увидишь. Уж я-то постараюсь...

Теруда: Найдешь, найдешь... Если только тебе удастся стащить с него пижаму. Ну что, сказать ему, чтоб ждал тебя сегодня в восемь в кафе?

Дупа кивает.

Девятая картина

Вечер. Кафе. Тугати сидит за столиком. Входит Дупа, усаживается за соседний столик.

Тугати (*неуверенно встает из-за стола*): Мне кажется, что это я. (*Дупа подходит.*) Уже разочаровал? (*Пауза.*) Меня зовут Тугати.

Дупа: Дупа.

Тугати: Присаживайтесь. (*Дупа садится.*) Что будете пить?

Дупа: Пиво.

Тугати: Я пива никогда не пью. Мне бы хотелось быть человеком, пьющим соки и молоко, но, в действительности, я пью чай. (*Пауза.*) Что-то здесь не спешат обслуживать. Не очень симпатичное местечко. Можно купить пива в киоске и выпить у меня на балконе.

Дупа: Не стоит беспокоиться. Я сегодня немного спешу. Есть еще кое-какие дела вечером. (*Смотрит на часы.*) Ой, уже четверть девятого! (*Поднимается из-за стола.*)

Тугати: Я могу вас проводить.

Дупа: Не нужно. До свиданья.

Тугати: Мы сможем... Мы сможем увидаться завтра?

Дупа: Я завтра занята.

Тугати: А...

Дупа: И послезавтра. До свиданья.

Тугати внезапно прикасается рукой к ее волосам.
Дупа выходит.

Десятая картина

Утро. Дом Крума. Крум завтракает. Напротив него сидит мать.

Крум: Я терпеть не могу, когда на меня смотрят во время еды, да еще и с надеждой.

Мать: Кто на тебя смотрит?! Кому вообще от тебя чего-то надо?!

Крум: День и ночь сидишь смотришь и возлагаешь надежды!

Мать: Чего тебе от меня надо?! Сидела и смотрела на муху. Мне что, в собственном доме уже и на муху нельзя посмотреть?!

Крум: Тогда муха уходит завтракать в кафе.

Мать: Иди, иди!.. Начнешь завтрак при живой матери, а закончишь уже сиротой!..

Крум уходит. Входит Фелиция.

Фелиция: Доброе утро. Я видела сейчас, как Крум уходил. Он выглядел очень сердитым.

Мать: Переволновался. Он очень расчувствовался после

вчерашнего перелета.

Фелиция: Да?.. Будь по-вашему. (*Оглядывает комнату.*)

Привез вам чего-нибудь?

Мать: У меня все есть.

Фелиция: Какой-нибудь миниатюрный телевизор?

Мать: У меня есть телевизор.

Фелиция: Отечественный.

Мать: А показывает хорошо.

Фелиция: Кожаную курточку? Портмоне? Шаль? (*Безуспешно обшарив взглядом комнату.*) Ну и ладно.

Мать: Мадам Фелиция, мой сын вернулся из-за границы целым и невредимым – вот, что мне важно. Он здоров, хорошо зарабатывает. Чего еще матери нужно? Еще и сэкономить умудрился на путешествие в Европу.

Фелиция: Госпожа Крум, мы ведь не о Европе разговариваем. Действительно, съездил. Впрочем, теперь все ездят. Что стоит съездить? Самолет отвез, самолет привез... Но не в этом дело. Ладно, прокатился. Вопрос заключается совсем в другом: зачем человек едет? Продвигается ли он к чему-нибудь, планирует ли что-то и, самое главное, – что его ожидает?

Мать: Видите ли, госпожа Фелиция, я ни в коем случае не могу сказать, что я разочарована сыном. Он талантлив, это все говорят.

Фелиция: Само собой, нет нужды спешить с разочарованиями. Можно продолжать ждать и надеяться. Вопрос толь-

ко в том – до каких пор? Не вечно же он будет сорокалетним.

Мать: Моему мальчику только тридцать восемь.

Фелиция: Допустим.

Мать: А надеяться, слава богу, есть еще силы.

Фелиция: Силы-то есть, но вопрос – есть ли смысл?

Мать: До тех пор пока он здоров и хорошо себя чувствует...
ет...

Фелиция: «Здоров и хорошо себя чувствует!» – что это значит, госпожа Крум? Мы все здоровы, но вопрос в том – на что это здоровье тратить. Умеет ли человек разумно использовать время, пока он здоров? Достиг ли он чего-нибудь? И кроме всего, кто может сказать о себе: «Я здоров»? А болезнь тем временем затаилась и хихикает. Pardon.

Я не спору, каждый живет своей жизнью. Один становится доктором, а другой декоратором. Главное, чтоб вы были довольны.

Мать: Госпожа Фелиция, я очень довольна своим сыном.

Фелиция: Вы упрямая женщина, госпожа Крум. Ладно, будь по вашему. Вы довольны сыном, сын доволен вами, а мне остается лишь вам всем завидовать. (*Пауза.*) Ничего? Никакого французского сырку? Швейцарского шоколада? Ну и ладно. Что-то я проголодалась. Пойду готовить обед. Будьте здоровы.

Мать: До свиданья.

Фелиция (*уходя, самой себе*): Еще одну атаку старушка отразила. Вся наша жизнь – это отражение нападений. Спра-

ва навалилось вдовство, не успела отбиться, а слева уже нужда давит. Отразила? А тут квартплата, как черт из табакерки, подоспела! Отбилась, заплатила? – мэрия на тебя в атаку поперла... Отбилась и от мэрии?! А Фелиция уж тут как тут, поджидает тебя. От всех отбилась, всех пораскидала? Что ж, отправляйся в постель и попробуй побороть длинную пустую черную ночь...

Одиннадцатая картина

Дом Крума. В комнате мать. Входит Крум.

Крум: Мама? Ты почему не спишь? (*Пауза.*) Тебе нехорошо? Мама? Что ты молчишь?

Мать: Давит.

Крум: Что давит? Сердце? Что у тебя болит? Почему ты не отвечаешь?

Мать: Давит.

Крум: Позвать доктора? У меня тоже иногда в груди давит. Пройдет.

Мать: Не у меня. «Мама, мама!» – будешь кричать у моей могилы.

Крум: Мама, я предупреждаю: я больной человек.

Мать: У тебя будет много лет для раскаяния.

Крум: Я сдохну, мама. Я тебя предостерег – я сдохну.

Мать: Кто из нас двоих старуха? Я. Я и умру. Я старуха.

Я умру раньше.

Крум: Хорошо. Я женюсь на Теруде. (*Пауза.*) Довольна теперь? Рада?

Мать: Рада.

Крум: Ты же хотела, чтобы я женился. О внуках мечтала.

Мать: Ты это делаешь для меня? Большое спасибо, но у меня есть телевизор, и этого достаточно.

Крум: Ты же хотела, чтоб я женился! Ты!

Мать: Чего ты разорался здесь среди ночи?! У Теруды будешь кричать. Иди, иди к своей Теруде!

Крум: Тебе, как всегда, не угодишь.

Мать: А Теруде угодишь? У нее не давит? Вот и иди к Теруде.

Крум: Что у тебя есть против Теруды?

Мать: У меня? Против Теруды? Желаю вам всего хорошего.

Крум: Ну вот и иди спать.

Мать: Когда я захочу спать, тогда и пойду. Тебе лучше всего, когда я сплю. Ничего не вижу. Ничего не спрашиваю. Только носом чуточку посапываю в небеса.

Крум: Когда ты спишь – я невиновен, а когда бодрствуешь – виноват.

Мать: А вот когда умру, ты услышишь приговор.

Крум: О господи!.. Какая пустота, какая пошлая глупость!.. Я арестант в камере безвкусицы... Во рту пресно, в обескровленных сосудах вакуум, перед глазами пустота. Пу-

стота. Пустота.

Двенадцатая картина

Дом Тугати. Вечер. Тугати в комнате. Входит Дупа.

Дупа: Помнишь?

Тугати: Я думал, что ты больше не придешь и... в душе закончил эту историю. Присаживайся.

Дупа садится. Пауза.

Дупа: Тебе нужны объяснения?

Тугати: Нет. Но есть кое-что, что я обязан сказать: мои нервы не годятся к испытанию неизвестностью.

Дупа: Я тебя понимаю. Но что я могу тебе сказать после такого короткого знакомства?

Тугати: Можно сформулировать вопрос и по-другому: не сможешь ли ты привести какую-либо аргументированную причину, объясняющую твое нежелание выходить за меня замуж? (*Пауза.*) Ты слишком долго молчишь, а я тем временем гибну.

Дупа (*самой себе*): Господи, не дай этому человеку так быстро мне опротиветь. Ты, не наделивший меня множеством причин для радости, но подаривший саму радость, не вызывай к нему отвращения. Сделай так, чтобы его слабость нашла в моем сердце жалость. Дай его уродству тронуть мое сердце.

Тугати пытается погладить ее по лицу. Она отпшатывается.

Тугати: Почему?

Дупа: Не смотри. Глаза могут быть безжалостнее пальцев.

Тугати, отвернувшись, гладит ее по лицу.

Тугати: Вот только если ты когда-нибудь захочешь... поцеловаться, нам придется быть лицом к лицу. (*Дупа протягивает руку к его лицу.*) Я не побрился. Сегодня вечером я не ждал женщины.

Дупа: Мой ответ: да.

Тугати (*резко поворачивается к ней*): Я абсолютно уверен, что я человек слабый и больной, что я ем и дышу, заставляя себя и напрягаясь изо всех сил, и что никогда мне не будет места среди здоровых. Я абсолютно уверен, что меня надо щадить и понимать, не кричать на меня, не пугать меня, не поднимать на меня руку и никогда и ничего от меня не требовать. Я абсолютно уверен, что если мне дадут покой, но покой абсолютный, то тогда, может быть, мне и удастся прожить месяца три-четыре, максимум полгода, прежде чем я угасну. В твоих руках. Какая жалость. (*Дупа смеется.*) Ну вот. Ты уже смеешься надо мной.

Дупа: Ты так... живописен.

Тугати: Серьезно? Я кажусь тебе живописным? (*Пауза.*) Думаю, что ты права. Я и вправду очень красочен. (*С ликованием.*) Э-ге-гей! Я живописен!.. Слыхали?.. Я красочен и

живописен!.. Я!.. Оставайся на ночь.

Дупа: Выключи свет.

Тугати выключает свет. Пауза.

Тугати: Как мне хорошо, как приятно, можно просто помереть... (*С негой в голосе.*) Не хочу жить, не хочу жить... (*Оба смеются.*) А теперь я хочу задать тебе один вопрос. Постарайся сконцентрироваться и ответить на него со всей серьезностью.

Дупа: Слушаю.

Тугати: Когда полезнее делать зарядку, утром или вечером?

Дупа: Поцелуй меня в задницу.

Тугати: Что?

Дупа? Об этом вопросе меня уже предупредили.

Тугати (себе): На родине все возможности уже использованы. Может, на какой-нибудь Аляске обо мне еще не слышали? Вот туда-то мне и надо бы съездить и получить на свой вопрос внятный, серьезный и окончательный ответ.

Тринадцатая картина

Улица перед домом Теруды. Ночь. Входит Крум.

Крум: Теруда! (*Пауза.*) Теруда!

Из дома на улицу выходит босой Тахтих, держа

ботинки в руках.

Тахтих: Ты появился!.. Ты мужчина, ты господин, ты номер один, только ты. А я исчезаю... Как мышка. (*Собирается уйти. На балконе появляется Теруда.*)

Теруда: Тахтих...

Тахтих: Не волнуйтесь, расслабьтесь и почувствуйте себя свободно и удобно. (*Уходит.*)

Теруда: Если еще раз я увижу твою рожу здесь – вызову полицию.

Крум: Давай поженимся.

Теруда: Когда?

Крум: Немедленно. То есть, я хотел сказать, – немедленно после Тугати.

Теруда: Зайди в дом.

Крум: Твоя постель еще тепла после Тахтиха.

Теруда: От него тепла не остается. Заходи.

Крум: Значит, ты признаешь, что он был в твоей постели!
Шлюха!

Теруда: Тебя не было две недели. Чего ты ждал?!.

Крум (*приближаясь*): Ладно, мне все надоело, я на тебе женюсь, но хочу сказать тебе ничего не тая, открыв карты: больше всего на свете мне необходима тишина. Ты знаешь – кто я и что у меня есть, а я все знаю про тебя. Я не хочу никаких лишних нежностей: никаких поглаживаний, если мы не в постели, никаких сюсюканий, обращаясь ко мне, и никогда не висни у меня на шее, если мы на улице. Короче, от прояв-

лений твоей любви у меня мурашки по спине, будто железом по стеклу... Мне достаточно, чтоб ты меня терпела. Все.

Теруда: Если ты хотел, чтобы я воспринимала предложение замужества, как плевок в лицо, то именно так я его и расцениваю. Я согласна.

Крум (*самому себе*): Я все еще пытаюсь найти в ней что-то привлекательное и не нахожу. Но что-то в ней все-таки должно быть, если кто-то ищет. Но что?.. Что?..

Четырнадцатая картина

Дом Дупы. Вечер. Дупа, Тугати.

Дупа: Теруда и Крум поженятся через неделю после нас, а сегодня вечером мы вчетвером идем в кино отметить наши помолвки. Кажется это они пришли.

Входят Цвици и Бертольдо.

Цвици: Привет, Дупа.

Дупа: Цвици! Глазам не верю! Цвици!

Цвици: Я получила твое приглашение на свадьбу, и я так рада, так рада, что ты наконец-то выходишь замуж! Знакомься – это Бертольдо. Он итальянец и говорит только по-итальянски.

Бертольдо: Molto lieto. (Очень приятно.)

Цвици: Только по-итальянски. (*Указывая на Тугати.*)
Свекр?

Тугати: Жених.

Цвици: Извините. Это из-за того, что вы выглядите как...

Тугати: Болею. Я не старый, я больной.

Цвици: Ну так будьте здоровы!

Тугати: Не буду.

Дупа: Цвици – моя подруга детства. Раньше она жила тут неподалеку, а теперь переехала на загородную виллу. Наши края для нее теперь экзотика. Появляется тут раз в пару лет.

Цвици: Ну ты же знаешь, как я занята.

Дупа: Но на свадьбе ты просто обязана быть.

Цвици: В том-то и дело, что за два дня до свадьбы я улетаю с Бертольдо на Капри. Проезжала мимо и заскочила пожелать тебе счастья.

Входят Крум и Теруда.

Теруда: Здравствуйте.

Крум: Здравствуйте.

Дупа: Познакомься, Теруда, – это Цвици, подруга детства. Когда-то она здесь жила, а теперь на вилле.

Теруда: Теруда. Очень приятно.

Крум: Крум.

Цвици: Очень приятно. А это Бертольдо. Итальянец.

Бертольдо: Molto lieto. (Очень приятно.)

Крум (Цвици): Кажется, я тебя помню. Смутновато, но... Ты была совсем маленькая, когда вы отсюда переехали. Сколько тебе было?

Цвици: Семь лет.

Дупа: Семь лет, а уже переехала на загородную виллу! Представляете? А теперь едет на... Куда?.. На Капри.

Цвици: Только на две недели. У меня совсем нет времени.

Дупа: Она даже не сможет быть на моей свадьбе. Кстати, Цвици, Крум и Теруда тоже собираются пожениться.

Цвици: Bravo! Женитесь!! Ребятишек нарожайте.

Дупа: Нарожаем, с радостью нарожаем. А сегодня мы соби-
рались все вместе отправиться в кино. Пойдете с нами?

Цвици: Мы страшно торопимся. Я обещала Бертольдо
ночное купание в «Хилтоне».

Бертольдо: Ho caldo, voglio audare, ti voglio strappare una
tetta sotto l'acqua. (Мне жарко. Я хочу уйти, хочу оторвать
тебе грудь под водой.)

Цвици: Due minuti, Bertoldo, comportati come si deve. (Две
минуты, Бертольдо, веди себя как следует.)

Бертольдо: Mi hanno rotto le balle questi schifosi, ti voglio
scopare al «Hilton». (Мне надоели эти уроды. Я хочу трахнуть
тебя в «Хилтоне».)

Набрасывается на Цвици, обнимает ее и пытается
расстегнуть ее блузку.

Цвици: Basta, Bertoldo, no! (Хватит, Бертольдо, нет!)
(Отталкивает его.) Простите его. Итальянец. А жить вы бу-
дете тут?

Дупа: Пока не найдем чего-нибудь получше.

Цвици: А здесь чем плохо? С таким женихом, как ты себе

урвала...

Тугати: Меня зовут Тугати.

Цвици: Пугати? Бог с ним, пусть будет Пугати. Он хотя бы тихий.

Тугати: Слабый. Не тихий, а слабый.

Бертольдо: Madonna mia santa, ti sbatto qui per terra e ti chiamo davanti a questi sorci. (Святая Мадонна, я повалю тебя на пол и прямо здесь трахну на глазах у этих крыс!)

Снова набрасывается на Цвици, пытаюсь сорвать с нее блузку, но ему удается лишь оторвать одну пуговицу.

Цвици: Bertoldo, basta! (Хватит, Бертольдо!) Фу, я сказала! Лежать, кобелина!

Бертольдо: Sì, sì, лежать, лежать!..

Цвици: Нет, с ним просто не возможно, я вам говорю, просто невозможно!.. (*Пытается запахнуть блузку.*) Ну вот, оторвал мне пуговицу...

Крум и Тугати наклоняются, пытаюсь отыскать упавшую пуговицу. Постепенно они опускаются на четвереньки и ползают по всем углам в поисках пуговицы.

Ну, как бы там ни было, а вы, Пугати, берегите Дупу. Хватит ей этих долгих лет одиночества.

Дупа: Я никогда не жаловалась.

Цвици: Отчего же тогда у тебя такое серое лицо? И почему глаза не горят? Нет, ты жаловалась, и по праву. Ты пла-

кала по ночам и не могла заснуть из-за сжимающего горло чувства, что и тебе положено что-нибудь. Хоть что-нибудь... (Указывает на *Тугати*.) Вот оно, пожалуйста.

Тугати: А пуговка какого цвета?

Крум: Наверное, в коридор укатилась.

Тугати: А все-таки, какого она цвета?

Оба продолжают на четвереньках искать пуговицу.

Бертольдо: *Via, via, andiamo, o ti spuzzo sul soffitto tutto quel che ho qui nei pantaloni.* (Или мы немедленно уходим, или все, что у меня есть вот здесь в штанах, я разбрызгаю по потолку!)

Вновь набрасывается на Цвици, она пытается высвободиться, но он не отпускает ее и страстно целует в губы долгим и жарким поцелуем, в то время как все на них глядят. Кончает.

Цвици (*задыхаясь*): О-ох!.. Эти итальянцы... Просто индейцы какие-то!..

Бертольдо пытается снова схватить ее в объятия.

Хватит, Бертольдо, хватит! На пол, кобелина, на пол! *Sergami il bottone!* (Ищи мою пуговку!)

Бертольдо хватает ее и поднимает на руки. Цвици хохочет.

Я вынуждена удалиться... Дупа... Он просто кот мартовский!.. Ему и дела нет до того, что он в обществе!.. Тем бо-

лее что он за границей... Будьте счастливы, вы это заслужили!.. Честное слово – заслужили!.. (*Обращаясь к Бертольдо.*) Avanti! (Вперед!)

Бертольдо: Che vadano a fan culo con la loro casa! Amen! (Перетрахайтесь все вы в задницу, вместе с вашим домом! Аминь!)

Дупа: Счастливо, Цвици. Спасибо, что зашла. Заглядывай!

Цвици и Бертольдо выходят.

Крум: Пуговка.

Вместе с Тугати поднимаются с колен и внимательно разглядывают найденную пуговицу.

Тугати: Ну пуговка. Пуговка. Никогда не видали, что ли?

Крум кладет пуговицу в карман.

Крум: Ушла, оставив в воздухе лишь легкий аромат. Запах далеких мест.

Тугати: У меня нос забит. Насморк.

Теруда: Если бы я пользовалась, как и она, импортным мылом, то и от меня бы нежно пахло далекими местами.

Дупа: Ладно, идемте уже в кино. Опаздываем.

Уходят.

Пятнадцатая картина

Ночь. Кинотеатр. Тахтих и Шкита сидят в одном ряду. В темноте входят Крум, Теруда, Дупа и Тугати.

Тугати: Что это – темнота или я в конце концов ослеп?

Теруда: Ш-ш-ш!.. Фильм начался.

Садятся на места перед Тахтихом и Шкитой.

Крум:

Киномеханик в тесной будке,
Скорей нажми на выключатель!..
Пусть гаснут лампы в душном зале,
Даря нам темное пространство...
А мы немедля перестанем
Самих себя в потемках видеть,
И свет нас заставлять не будет
Смотреть в глаза один другому.

Теперь – крути кино, механик,
Пусть этот фильм нас зачарует,
Пленяя музыкой волшебной,
Веселый, красочный и легкий...
И будут в фильме джентльмены
Одетые самим Армани,
Голубоглазые блондины,
Беспечны, счастливы, богаты...

И окруженные садами
Там будут виллы и бассейны,
И полуголые красотки
В больших сверкающих машинах...

А мы, вцепившись в подлокотник
Глядим на серый лучик света,
В нем утопить пытаюсь горе,
Невзгоды, оскорбления, беды...
И начинает нам казаться,
Что это **мы** те джентльмены,
Что счастливы так и богаты,
Беспечны, веселы, свободны,
И неизвестны нам напасти...
Что окруженные садами,
Там наши виллы и бассейны,
И наши знойные красотки
В машинах наших разъезжают,
Больших, сверкающих и быстрых...

Ах, этот фильм!.. Катушка пленки,
Дрожащая полоска света,
И стрекотанье аппарата...
Всей жизни светлые надежды
На вас мы робко возлагаем,
И на тебя, киномеханик,
У нас над головой сидящий.
Ты лишь за несколько монеток,
Из века лжи, что всем отмерен

Дал два часа пожить нам правдой...

Но фильм закончен, свет зажегся...

Подъем, убогие людишки!

Гуськом на выход, в ночь слепую...

Пусть жить теперь вам станет стыдно.

Фильм заканчивается. Все встают.

Тахтих: Здравствуй, Теруда. Здравствуй, Крум.

Теруда: Здравствуй.

Тахтих: Вот так встреча.

Теруда: Бывает.

Крум, Теруда, Дупа и Тугати выходят. Тахтих поворачивается к Шките и молча смотрит на него несколько секунд.

Тахтих: И снова я остаюсь с тобой, а? С кем пришел – с тем и уйду. Скажи-ка, может, у тебя есть какие-нибудь подружки, которые именно сейчас затевают вечеринку? Или наоборот – мы их пригласим?.. А?.. Сестра двоюродная, племянница, тетка? (*Пауза.*) Н-да... Чудес не произошло ни со мной, ни с тобой.

Шестнадцатая картина

Улица перед входом в дом Теруды. Ночь. Теруда,

Крум.

Крум: Спокойной ночи.

Теруда: Ты не зайдешь?

Крум: Я иду спать.

Теруда: Что случилось?

Крум: Ничего. А что?

Теруда: Она тебе нравится.

Крум: Кто?

Теруда: Та, о которой ты не перестаешь думать последние три часа. Та, с легким ароматом далеких стран, ради которой двое мужчин ползают на коленях, чтобы найти ее закатившуюся пуговку. *(Пауза.)* Обними меня.

Крум обнимает ее.

Поцелуй меня.

Крум целует ее.

Еще.

Крум снова целует ее.

Благодаря ей я заполучила два нежнейших поцелуя. Тебе никогда ее не добиться, даже если очень постараться. У тебя есть я, только я. Я твоя красота, твое величие и твоя честь. Со мной ты жив. Ради меня ты работаешь, и от меня ты хочешь детей. Рядом со мной болеешь, передо мной падаешь в обморок, на моих глазах ты умираешь, у моих ног тебя хоронят, мне ты завещаешь свою одежду, деньги, имя и фо-

тографии... В моей памяти ты иногда еще мелькаешь, и когда я тебя совсем забуду – ты пропадешь уже окончательно. Я, обо мне, рядом со мной, для меня, во мне... *(Выходит.)*

Крум: Блестящее будущее, приятель. Из женщины ты вышел, ею и проглочен. Увы, из одной дыры – в другую, и готово: мусор. *(Выходит.)*

Семнадцатая картина

Улица перед входом в зал торжеств. Вечер. Появляются спешащие Тугати и Дупа в свадебных нарядах, следом Фелиция, Дольче, Крум, Теруда, мать Крума, Тахтих и Шкита. Тугати время от времени оборачивается и взмахивает руками, как дирижер.

Тугати: Я женился! Я женился!

Крум: Bravo, Тугати! Bravo!

Фелиция подходит к Тугати с широко открытым ртом.

Тугати: Вы хотите спеть?

Дольче: Нет, моя жена хочет только спросить: верно ли, что кроме бокала вина и кусочка торта рассчитывать больше не на что?

Дупа: Вы же видите, что это быстрая свадьба. Мой муж болен.

Фелиция: Но мы-то здоровы.

Тугати (*поднимая над головой резиновую грелку*): Я болен. Госпожа Крум, спасибо за подарок, я сегодня же им воспользуюсь.

Мать: Долгих лет.

Тугати: Теперь очередь за вашим сыном.

Мать: Да-да... Если только перед этим у него не будет небольших поминок.

Тугати (*вновь взмахивает руками*): Спасибо всем и спокойной ночи! Я женился!

Торопливо уходит. За ним выходят все остальные, кроме Дольче и Фелиции. Пауза.

Фелиция: Ни еды, ни музыки. А на часах только десять. Замечательно.

Дольче: Хорошо, что я еще в начале припрятал бутылку коньяка. (*Достает из-за пазухи початую бутылку.*)

Фелиция: От этой свадьбы пованивает поминками.

Дольче пьет из горлышка. Фелиция забирает у него бутылку и пьет сама. Дольче выхватывает бутылку назад и вновь прикладывается к горлышку.

Как ты думаешь: жених похоронит невесту или невеста жениха? (*Дольче пьет.*) Невеста – жениха. Я тебе говорю. (*Забирает у него бутылку, пьет.*)

Дольче: А где луна?

Фелиция: Через неделю нас ждет свадьба Крума и Теруды. Что касается меня, то я уже одета.

Дольче: Где луна?

Фелиция: А зачем тебе луна?

Дольче: Она напоминает мне банан. Не вижу луны.

Фелиция (*хлопая себя по ягодицам*): Она вот здесь. Можешь поискать.

Дольче (*с грустью, самому себе*): Какая же грубая и поганая баба мне досталась... Какая же грубая и поганая баба мне досталась!..

Фелиция: Как ты думаешь: я тебя похороню или ты меня?

Дольче (*выхватывая у нее бутылку*): Пошли домой.

Фелиция: Я хочу танцевать.

Дольче: Здесь нет музыки.

Фелиция: Подождем.

Дольче: Это ведь улица... Ночь...

Фелиция: А я хочу танцевать.

Вдруг откуда-то раздаются обрывки завываний. Тугати появляется на своем балконе, плачет и размахивает руками, как дирижер.

Тугати: Я плачу!.. Я выпустил джина из бутылки и я плачу!..

Голос его срывается, он закрывает лицо руками и продолжает рыдать. Постепенно его плачь переходит в ритмичные завывания. Фелиция берет Дольче за руку, и оба начинают танцевать в ритме воя Тугати.

Конец первого акта

ВТОРОЙ АКТ

Восемнадцатая картина

Улица перед входом в зал торжеств. Вечер. Появляются спешащие Теруда и Тахтих в свадебных нарядах, следом Дупа, Фелиция, Дольче и Шкита.

Теруда (*Дуне*): А Тугати почему не пришел?

Дупа: Вдруг почувствовал слабость в ногах.

Теруда: Передай ему привет.

Фелиция подходит к Теруде с широко открытым ртом.

Дольче: Моя жена хочет только спросить...

Теруда: Свадьба закончена. Всем спасибо и спокойной ночи.

Фелиция: Но мы же не на диете!

Теруда берет под руку Тахтиха и оба быстро выходят. Следом уходит Дупа. Пауза.

Сегодня даже короче, чем в прошлый раз. Ясное дело: ко-

гда жениха заменяют в последнюю секунду, то стараются закончить все побыстрее, чтобы не позориться.

Дольче: С ума сойти. Вечно у меня так: или я сыт, или голоден. В конце концов я сдохну.

Фелиция (*Шкита*): А у тебя когда гуляем?

Шкита выходит.

Дольче (*показывает, что за пазухой ничего нет*): Сегодня не получилось.

Фелиция мрачнеет. Дольче с ухмылкой достает бутылку из кармана. Лицо Фелиции светлеет, оба выходят.

Девятнадцатая картина

Балкон квартиры Теруды и Тахтиха. Ночь. Теруда в ночной рубашке.

Тахтих (*из дома.*): Теруда! (*Входит.*) Теруда, ты просто дышишь воздухом или страдаешь, что тебе достался я?

Теруда: Зануда!

Тахтих: У меня на душе так безмятежно спокойно, что даже страшно, что все это может исчезнуть. (*Пауза.*) Хочешь, я приготовлю для нас чаю с печеньем?

Теруда: Это самая блестящая идея, родившаяся в твоей голове за последние две недели.

Тахтих (*восторженно*): Чай с печеньем! Чай с печеньем!

(*Возвращается в дом. Слышно, как он напевает на кухне: «Теруда, Теруда, Теруда!..»*)

Теруда (*самой себе*): Теруда. Это мое имя. Я бы не сказала, что меня вовсе не волнует, если я слышу, что кто-то его напевает. Теруда. Никогда бы не подумала, что можно шептать мое имя с подобной грустью и нежностью, что оно вдруг приобретает такой глубокий смысл. А когда я слышу, как его напевает этот ласковый и преданный паренек, заваривающий чай на кухне, я не могу ничего не чувствовать по отношению к нему.

Тахтих возвращается с чаем.

Тахтих: Чай...

Теруда: Ой, Тахтих, Тахтих... Если б ты еще не был таким идиотом с влюбленными телячьими глазами, которые ты с меня не сводишь...

Тахтих (*самозабвенно*): Теруда, ты принцесса!..

Теруда: Не морочь мне голову.

Тахтих: А я говорю – ты принцесса!

Теруда (*ласково его целует*): Я понимаю, куда ты kloнишь, но я не принцесса. Так и быть – директриса, но никак не принцесса.

Тахтих (*пылко обнимает ее*): О, директриса моя, директриса! Ты есть у меня! Да еще какая директриса! Наиглавнейшая начальница совета директоров! (*Увлекает ее за собой в дом.*)

Двадцатая картина

Улица перед входом в дом Тугати. Вечер. Фелиция, Дольче, Шкита. Входит Крум.

Крум: Что случилось?

Фелиция: Тугати потерял равновесие и упал.

Крум: Упал? Вдруг, ни с того ни с сего?

Фелиция: Прошли те времена, когда человеку нужны были годы, чтобы упасть. В двадцатом веке ты еще подняться не успел – а уже упал.

Крум собирается войти в дом.

У него доктор Швойген.

Крум останавливается. Пауза. Все ждут.

Дольче: Выходит, доктор выходит.

Появляется доктор Швойген, останавливается в дверном проеме и оглядывает собравшихся.

Швойген: Я дал указание перевезти пациента Тугати в больницу. У меня есть опасения в существовании нарушений в центральной нервной системе. Больной должен пройти основательное обследование.

Фелиция: Основательное!

Швойген: Не буду вдаваться в подробности, но причина нарушений может иметь глубокие корни, но может быть и

поверхностной, может быть физической, а может быть и душевной, может быть временной, но может быть и постоянной.

Фелиция: Постоянной!

Крум: Пожалейте его, доктор. Он только-только нашел свое счастье.

Фелиция: Пожалейте нас всех, доктор. (*Поворачивается к нему спиной и наклоняется, указывая на свои ягодицы.*)
Сделайте мне укол, чтобы я жила счастливо.

Дольче (*вставая в ту же позу, что и Фелиция*): А мне укол, чтобы я был здоров и богат.

Шкита колеблется какое-то время, но через мгновение и он встает в позу Фелиции и Дольче.

Фелиция: Чтоб жизнь стала иной, доктор, иной.

Дольче: Жизнь с хорошим аппетитом, доктор.

Фелиция: И полным желудком.

Швойген (*останавливает их движением руки*): Медицина отклоняет в категорической форме ваши просьбы о милосердии и не будет сожалеть о ваших болезнях и смертях. Медицина также не будет жалеть о ваших делах, тесных домах, об отравленном воздухе, которым вы дышите и о сводящем с ума шуме, мешающем вам спать по ночам. В дополнение к вышесказанному, медицина не будет принимать участия в ваших мечтах о другой жизни, лучшей жизни, и о такой жизни, какой она и должна была бы быть. Все, что медицина способна сделать, – это вылечить вас, если это возможно, но

в большинстве случаев она и здесь бессильна. (*Пробирается между выставленными задницами и уходит.*)

Двадцать первая картина

Дом Тугати. Вечер. Тугати в постели, Дупа рядом.

Тугати: Я должен распрощаться с этой комнатой. Больше я ее не увижу. Теперь здесь будет жить кто-нибудь другой, здоровый. Будет нежиться в моей кровати и наслаждаться моей новой электроплитой. С тобой. Ты-то здорова.

Входит санитар, толкая перед собой носилки на колесиках.

А вот еще один здоровый.

Санитар подходит к кровати Тугати.

То, чего я опасался, – произошло на самом деле... На самом деле. Не верю. Не понимаю. Я?.. Именно я?

Санитар собирается помочь Тугати перебраться на носилки.

Нет. Одну секунду. Этого не может быть. Я всегда болею, я Тугати, спросите кого угодно. У меня это несерьезно. Я так шутил. Я шутил все эти годы, за что же мне это? Я клянусь, что это было несерьезно.

Санитар: Идем.

Тугати: Я? Вы говорите со мной? Ей-богу, он обращается

ко мне. Чтобы я пошел. Чтобы я поехал с ним в больницу. Господи, он и в самом деле хочет, чтобы я поехал с ним в больницу? В больницу. Я. Но почему? Ведь я – это я. Вы слышали, сударь? Я – это я. (*Громко кричит.*) Если это сон, то я прошу немедленно проснуться!

Санитар поддерживает его под мышки.

Вы не сон, да?

Санитар: С какой стати я – сон? У меня жена и дети, и я тоже хочу жить.

Пытается перетащить Тугати на носилки.

Тугати: Спасибо, я и сам могу. Я здоров. Можете убедиться. (*С трудом поднимается. Шатается.*) Нет, не надо помогать... (*Не в состоянии стоять.*) В любом случае лучше сократить расстояние между головой и полом... (*Опускается на четвереньки.*) Вот так... Пожалуйста... Надо бы это предложить министру здравоохранения... (*Падает лицом вниз.*) Еще лучше... Надежней не бывает... (*Ползет.*) Пожалуйста... Здоровехонек... (*Останавливается. Голова падает на пол.*) Здоров. Как бык.

Санитар и Дупа поднимают его и укладывают на носилки.

Санитар: Двинули.

Дупа (*проводит рукой по лицу Тугати*): Я приду завтра утром.

Санитар начинает катить носилки.

Тугати (*санитару*): Она не придет.

Выходят.

Двадцать вторая картина

Больница. Вечер. Тугати лежит в койке. Подле него
Крум и Шкита.

Тугати: Видите? Видите, что я болен? А вы все время смеялись и почти соблазнили меня поверить вам. Ввели меня в заблуждение. Нельзя, нельзя верить, что ты здоров. Всегда болен, всегда! Если ты болен, то болен, и если здоров, то тоже болен. Где Дупа?

Крум: Не знаю.

Тугати: Почему она не приходит? Мне бы хотелось умереть в присутствии плачущей женщины. Или вы считаете это стремление слишком амбициозным? Ну что вы за люди? (*Обращаясь к Шките.*) А ты чего молчишь? Крум, что врачи говорят, я буду жить?

Крум: Да.

Тугати: Как же, как же... Если врачи говорят, что будешь жить, то это точно конец. Я и не замечал, чтобы меня лечили. Они и не врачи здесь вовсе. Они манекенщики с коллекцией белых халатов.

Входит парикмахер с маленькой тележкой и инструментами для стрижки и бритья.

Доктор, сколько желтеньких таблеток? Сколько?

Парикмахер: Простите, я парикмахер.

Тугати: Видали? Белые халаты! Они здесь все парикмахеры! Вместо больницы положили меня в парикмахерскую!

Парикмахер: Сядьте, пожалуйста. Я побрею вам голову.

Тугати: Зачем?

Парикмахер: Так нужно для операции. *(Начинает брить ему голову.)*

Тугати: Операция. Меня распотрошат. И где? В месте, которое труднее всего потрошить, – в голове. Резать не будут, нет... Не Тугати. Если Тугати, то не резать, а пилить. С этой головой не будет много хлопот...

Парикмахер: Сзади еще немножко.

Тугати: Сама природа подготовила меня к операции.

Парикмахер: У меня раньше была парикмахерская. Большею частью приходили дети. Я не люблю детей, они все время шалят, а не сидят спокойно. Здесь мне нравится больше. Клиент тихий, работать не мешает. *(Заканчивает, достаёт зеркало и держит его перед лицом Тугати.)* Вот и все. *(Собирает инструменты. Уходя, обращается к Круму.)* Будьте здоровы.

Крум: Мы тоже пойдем. Спокойной ночи, Тугати. Увидимся через три дня, уже после операции.

Тугати: И Дупа пусть придет. Мне нужна плачущая жен-

щина. Скажите ей, что это часть супружеского долга.

Шкита: Спокойной ночи.

Крум и Шкита уходят.

Тугати: Меня еще будет вам не хватать. (*Себе.*) Господи, прости меня. Я был открытым человеком и жил открыто. А если у меня никогда не было возвышенных мыслей, то это только из-за того, что я не успел разрешить проблему физзарядки. Я прошу у тебя прощения и милосердия и верю, что мои страдания из-за проблемы с зарядкой были настолько огромными, что их можно поставить в один ряд с любыми другими, самыми возвышенными страданиями. И это, Господи, не говоря ничего о количестве моих страданий. Вот и все, чего я достиг. Больше у меня ничего нет. Ничего.

Входит медсестра со шприцем в руке.

Что теперь? Маникюр? Педикюр?

Медсестра: Укол, чтобы легко заснуть. (*Делает укол.*) А теперь спать.

Тугати (*устало*): Не уходи. Почему ты уходишь? Ты меня забыла? Забыла все, что было между нами, пламя, страсть, восторг? Идем со мной. Я приготовил для нас маленький уютный домик, мы славно проведем в нем остаток жизни... Там есть большая ванна для двоих, я тебя намылю, и мы узнаем, что такое счастье.

Медсестра: Спокойной ночи. (*Уходит.*)

Тугати: Я осчастливил много женщин. Осчастливлю и те-

бя.

Двадцать третья картина

Дом Дупы и Тугати. Дупа. Входит Бертольдо.

Бертольдо: Ciao, buon giorno. (Привет. Доброе утро.)

Дупа: Ой, итальянец. Можно запевать. Ты что здесь делаешь? Где Цвици?

Бертольдо (*пытается объясняться, активно жестикулируя*): Partita ieri, tornera fra due giorni, Bertoldo solo,solo. (Она вчера улетела, вернется через три дня. Бертольдо один-один.)

Дупа (*смеясь*): Цвици уехала на три дня, а ты уже ищешь подружку? Ты это хочешь сказать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.